

КАТАСТРОФА НА РЕКЕ СИТТАНГ

В феврале 1942 года британцы, преследуемые японскими войсками, оставляли территорию Бирмы. 17-я Индийская Дивизия, в которой служили индийцы, гуркхи, бирманцы и британцы, вынесла на себе основную тяжесть боев с агрессивным и считавшим себя непобедимым противником и потеряла большую часть своих солдат и офицеров в коротком сражении у железнодорожного моста через реку Ситтанг. Многие погибли или попали в плен из-за некомпетентности своих командиров...*

Две дивизии японской 15-й Армии в середине января 1942 года пересекли тайландско-бирманскую границу, нацеливаясь на захват Рангуна до того, как британцы смогут высадить подкрепления и предотвратить захват противником Бирманской железной дороги, пересекающей страну с юга на север. Казалось, что остановить японцев невозможно...

Бирма имела важнейшее значение в оборонительном периметре союзников на Азиатско-Тихоокеанском ТВД. Захват Бирманской железной дороги означал, что японцы перережут жизненно важную транспортную артерию, связывающую союзников со сражающимися против половины сухопутной японской армии силами китайских националистов. Бирма также была воротами в Индию, и столица страны – Рангун – была ключом ко всему региону. Это был промышленный центр и транспортный узел с единственным в стране морским портом, способным принимать войсковые транспортные суда. Сдача Рангуна означала для британцев потерю всей страны.

Первоначальная реакция британцев на развертывание военных действий на Тихоокеанском ТВД базировалась на выработавшемся десятилетиями высокомерном отношении и презрении к японцам на всех уровнях от командующих до солдат к «карикатурно выглядевшим азиатам с плохим зрением и торчащими вперед зубами.» От офицеров солдаты могли услышать и такое: «Эти мелкие желтые ублюдки не доставят вам множества хлопот, это всего лишь сморчки.»

Прошло всего несколько недель, и столкнувшиеся с противником в Бирме британцы стали воспринимать японцев совсем по-другому. Прежде всего, никогда ранее британцы не видели у противника такой веры в себя, в свою способность преодолевать любые препятствия, в свою непобедимость. лейтенант Кен Купер (Ken Cooper) вспоминал, как 20-30 японцев под командой офицера шли в атаку прямо на него и его людей, «казалось, не обращая внимания на рой пуль, летящих в них, не беспокоясь ни о чем, не заморачиваясь ничем, словно каждый из них был неуязвимым полубогом, уверенный в том, что с ним ничего не случится... Поскольку их вид наводил такой мистический ужас, на мгновение я ощутил панический шок. Я почти поверил в то, что эти фигурки – более, чем люди, что они будут наступать целыми и невредимыми и будут идти вперед, пока не доберутся до нашего блиндажа...»

По словам историка Уильяма Фаулера, почти сверхчеловеческие способности японского солдата выносить любые тяготы базировались на «сложном сплаве железной дисциплины, религии и философии, во всем абсолютно чуждых западному образу мышления.»

Британцы готовятся оборонять Бирму

Двум японским дивизиям, пробивающимся на север через горы полуострова Танинтайи (*в те годы - Tenasserim – ВК*) на юго-востоке Бирмы, противостояла недавно прибывшая на фронт 17-я Индийская Дивизия под командованием генерал-майора Сэра Джона «Джеки» Смайта (John G. «Jackie» Smyth), награжденного Крестом Виктории за героизм, проявленный во время ПМВ. Он был храбрым солдатом, но, к сожалению, страдал от проблем со здоровьем. В сентябре 1942 года он перенес тяжелую операцию и, хотя врачи объявили его годным к военной службе, в январе 1942 года он страдал от болей, и, как говорили позднее, состояние здоровья Смайта негативно отразилось на принимаемых им решениях.

Непосредственным начальником Смайта был генерал-лейтенант Томас Хаттон (Thomas J. Hutton), командующий Бирманской Армией британцев. Хаттон до этого был весьма компетентным начальником штаба генерала Сэра Арчибалда Уэйвелла (Archibald Wavell), главнокомандующего вооруженными силами британцев в Индии. Уэйвелл назначил Хаттона командующим Бирманской Армией вскоре после начала войны с Японией в декабре 1941 года. Однако Хаттон не имел опыта командования войсками в полевых условиях, а его обязанности в Бирме были весьма обширными и далеко выходили за рамки издания приказов подчиненным ему воинским частям. Он запросил вышестоящее начальство об усилении командования командиром корпуса, но тот прибывает только в марте 1942 года. Тем временем Хаттон осуществлял непосредственное командование двумя дивизиями: 1-й Бирманской и 17-й Индийской. Эти войска в феврале были усилены прибывшей в Рангун 7-й Бронетанковой Бригадой. В этот период времени 1-я Бирманская Дивизия дислоцировалась в штате Шан (Shan) в Восточной Бирме на линии направления наступления японцев, готовясь отразить его...

Солдаты 17-й Индийской Дивизии. Ее трагическая судьба до сих пор остается предметом дискуссий...

Хаттон по-прежнему подчинялся Уэйвеллу, но должность последнего с наступлением 1942 года изменилась. Он был назначен Верховным Главнокомандующим объединенными силами союзников на всей огромной территории между Индией и Австралией (ABDACOM - American-British-Dutch-Australian Command). Уэйвелл разместил свой новый штаб на острове Ява примерно в 2 000 миль от Рангуна. Командная вертикаль осложнялась еще и тем, что, будучи подчиненным Уэйвеллу в оперативном плане, Хаттон в административном плане подчинялся еще и недавно назначенному на пост главнокомандующего силами союзников в Индии генералу Сэру Алану Хартли (Alan Hartley). Географическая удаленность Уэйвелла сыграла негативную роль в течение тех пяти критических недель, когда командование ABDACOM направляло оборонительные операции в Бирме.

Ситуация на Бирманском фронте в январе-феврале 1942 года

17-я Индийская Дивизия была в спешном порядке сколочена в Бирме в январе-феврале 1942 года. В дивизию входили 16-я, 46-я и 48-я индийские пехотные бригады и подчиненные дивизионному штабу инженерные и артиллерийские части. Смайту на ранней стадии боев подчинялась также 2-я Бирманская Бригада, принимавшая участие в обороне города Моламьяйн (Moulmein). Эту дивизию нельзя было назвать ударной частью. «Она просуществовала всего несколько месяцев, готовясь к боевым действиям на Ближнем Востоке... и не годилась для боев с первоклассным противником», по словам Руководителя Военной Подготовки в Индии (Director of Military Training). Именно этот офицер – бригадир «Панч» Кауэн (D.T. «Punch» Cowan) – получил приглашение от Смайта занять должность заместителя командира 17-й Дивизии и прибыл на фронт в начале февраля.

Отступление к мосту через Ситтанг

Пока 33-я и 55-я японские дивизии продвигались через горы Танинтайи, Хаттон настаивал на применении Смайтом стратегии задержки противника. Это означало, что 17-я Дивизия должна будет вступать в оборонительные бои на каждом ключевом речном рубеже, чтобы выиграть время для высадки подкреплений в Рангунском порту. Такая стратегия диктовалась лично Уэйвеллом. Однако сам Смайт считал неразумным пытаться удерживать такие позиции, какие пришлось оборонять в районе городов Моламьяйн или Моутама (*в те годы – Мортабан – ВК*), отбивая целеустремленные атаки превосходящего

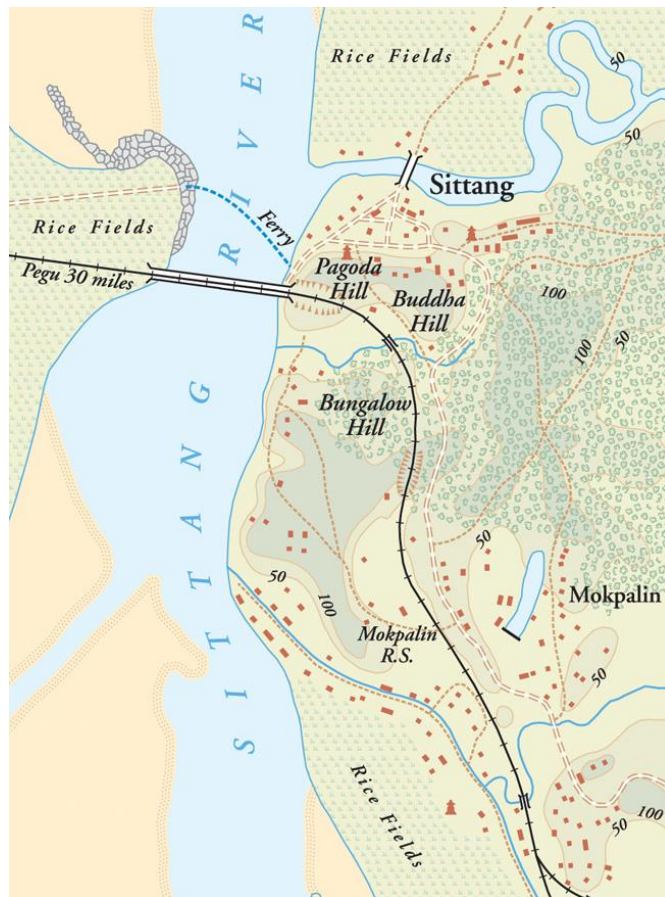
по численности и обстрелянного в боях против китайских войск противника. Смайт стоял за заблаговременный отход, чтобы подготовиться к оборонительным боям ближе к Рангуну, а именно, за рекой Ситтанг, протекающей в 55 милях к востоку от столицы. Несмотря на спорные моменты, Смайт был вынужден следования стратегии задержки противника. Однако японцы успешно продвигались вперед и к 15 февраля вышли к реке Белин, протекающей в 35 милях от реки Ситтанг. На этом рубеже солдаты Смайта в ожесточенных боях задержали противника на четыре дня. Хаттон утвердил отступление за Ситтанг 19 февраля, но одна из частей передала приказ об отходе по радио открытым текстом, и он был перехвачен японцами. В ночь с 19 на 20 февраля, когда Смайт начал отвод войск с оборонительных позиций вдоль реки Белин, генерал-лейтенант Сёдзо Сакураи (Shōzō Sakurai), командир 33-й Дивизии японцев, послал свой 215-й пехотный полк в обход левого фланга Смайта с целью захватить железнодорожный мост через Ситтанг.

Как ни удивительно, Смайт, который в течение нескольких недель настаивал на ускоренном отступлении, теперь оставался в нерешительности в самый критический момент времени. К Ситтангу вели два пути. Один – вдоль железной дороги, другой, находившийся севернее, - по обычной грунтовой дороге. Смайт принял решение продолжить отступление практически всей дивизии именно по этой дороге. 17-я Дивизия целиком полагалась на автотранспорт в своих перемещениях, тогда как японцы располагали только очень небольшим количеством машин, но умели быстро перемещаться через джунгли пешим маршем.

Отступление без особой спешки

Отступление от Белинского рубежа началось, и на совещании утром 21 февраля Смайт представил свой план переправы через Ситтанг. На восточном берегу реки небольшой плацдарм удерживался сильно потрепанным в боях 3-м Батальоном Бирманских Стрелков (полк Burma Rifles). Смайт предложил усилить оборону плацдарма, отправив туда на грузовиках еще до прибытия туда всей дивизии 4-й Батальон 12-го Полка Приграничных Сил (12th Frontier Force Regiment). За этим батальоном должен будет следовать Передовой Штаб Дивизии (Advanced Division Headquarters), инженерные и другие части. Затем 48-я Бригада приблизится к мосту на 7-10 миль, тогда как 16-я бригада займет позиции на каучуковой плантации Бояджи (?-BK)/Boyagi, расположенной в четырех милях к западу от города Кяйкто/Куайкто (на полпути между реками Билин и Ситтанг). 46-я Дивизия останется в арьергарде дивизии. Смайт не рассчитывал на то, что какой-либо из его частей удастся переправиться через Ситтанг 21 февраля: переправа всей дивизии по мосту намечалась на следующий день...

Генерал-майор Иэн Лайелл Грант (Ian Lyall Grant), который принял участие в Бирманской кампании на ее ранней стадии еще молодым человеком, позднее писал: «Это был шокирующий план в свете грозящей опасности, на самом деле, вполне вероятного флангового обхода японцами как на севере, так и на юге. Он продемонстрировал полное отсутствие даже намека на безотлагательность в переброске дивизии на другой берег Ситтанга. По-видимому, на формирование этого плана оказало влияние желание дать возможность отдохнуть войскам, которые определенно были измотаны после четырех дней ожесточенных боев на реке Белин. Но результат оказался таковым, что в тот важнейший день войска пройдут только 11 миль, а половина дивизия вообще почти не сдвинется с места. Командир 46-й бригады Экин (R.G. Ekin) был в ужасе. Он отчетливо видел, что британцы идут на страшный риск.

Схематическая карта участка боевых действий в районе моста через Ситтанг

Лайелл Грант снова и снова убеждался в том, что Смайт допускает серьезную ошибку и что «объяснением этому является его болезнь, повлиявшая на его оценку ситуации...» Но вот что Лайелл добавил к этому: «Нет сомнений в том, что, если бы он на самом деле был болен, как казалось [со стороны], он был обязан передать командование кому-то другому. У него под рукой были способный заместитель и многие тысячи людей, которые доверили ему свои жизни.»

Смайт еще 8 февраля написал конфиденциальное письмо Хаттону с просьбой разрешить ему покинуть Индию. Кроме того, после прибытия Кауэна в Бирму он в разговоре с ним заметил, что думал о возможной необходимости отказаться от командной должности. Кауэн ответил, что подобный шаг в разгар войны может иметь катастрофическое воздействие на боевой дух войск, и Смайт остался во главе 17-й Дивизии.

Британец Луи Эллен (Louis Allen), прошедший через Бирму, вспоминал, что Смайт «не собирался снимать войска с участка Кяйкто до получения более точной информации о силах противника и направлении наступления японцев. Кроме того, на мосту [через Ситтанг] не было контроля за продвижением войск, и было бы неразумным отводить к нему слишком большое количество транспортных средств сразу.»

Какими бы ни были причины, заставившие Смайта принять решение об осторожном и поэтапном отступлении к Ситтангу, оно обошлось британцам очень дорого. Бригадир Экин был очень встревожен видимым отсутствием преследования со стороны японцев. Этот факт указывал ему на то, что японцы не проявляют пассивность, а осуществляют обходной маневр... «Смайт был не согласен с этим. Он считал, что вялый характер преследования со стороны японцев был результатом понесенных ими потерь во время боев на реке Белин,» - писал Грант.

Отступление – жара, жажда и огонь по своим

Поскольку мост через Ситтанг был железнодорожным, 1-я Бирманская Вспомогательная Рота (1st Burma Auxiliary Force Artisan Works Company) уже неделю работала на укладке дощатого настила по обе стороны рельсовой колеи, чтобы сделать мост годным для прохождения колесного транспорта. Кроме того, по приказу Хаттона, на мосту была подготовлена взрывная сеть, но заряды были сняты и складированы примерно в 100 ярдах от западного окончания моста на время установки дощатых настилов. К 21 февраля на восточном берегу Ситтанга из саперов оставалась только рота подрывников под командованием майора Ричарда Оргилла. Вечером 21 февраля, до того, как первые машины дивизии начали переправляться на другой берег, Оргилл получил приказ еще раз подготовить мост к взрыву. Инструкция гласила, что мост должен был быть готов к взрыву к 18.00 22 февраля...

Отступление 17-й Дивизии к Ситтангу проходило в тяжелых условиях. Как писал один историк, «стояла сильная жара, небо было безоблачным, и пыль, поднимаемая башмаками и колесам машин, ползущих со скоростью две мили в час, делала полностью невидимой лежавшую впереди дорогу и забивала солдатам уши и горло. Люди шагали, словно автоматы, редко переговариваясь, настолько сильно у каждого из них пересохло в горле... Вражеские самолеты пролетали низко над дорогой, сбрасывая бомбы и поливая [колонну] огнем из пулеметов с убийственной точностью.»

Люди изнемогали от жары и жажды. Вспоминает рядовой Бил Норман:

... Мы шли, останавливаясь время от времени, чтобы срезать листья подорожника (plantain), стебли которых мы жевали, чтобы высосать сок и утолить жажду, от которой мы все страдали. Гуркхи показали мне, как это делается, и моя благодарность им за это не знала границ... Приблизившись к Мокпалину//Mokralin (вероятно, речь идет о населенном пункте, который на современных картах обозначен как Моке Ра Лин - ВК), мы увидели пруд с очень мутной водой и поспешили к нему. Набрав воды в каски и шляпы, мы пили эту воду, лили ее себе на головы и барахтались в ней. Позднее мне кто-то сказал, что в ней валялсядохлый мул, сам я его не видел, но не думаю, что это как-то повлияло бы на меня, если бы я заранее знал об этом...

Утром 21 июня над колонной появились самолеты Королевских ВВС и Американской Добровольческой Группы (American Volunteer Group) и атаковали ее. Незадолго до инцидента воздушный корректировщик ошибочно идентифицировал автоколонну как японскую, в результате чего в воздух были подняты бомбардировщики и истребители с аэродромов в Магуэ/Магве и Рангуне.

Летчики союзников так и не поняли, что атакуют цель, находящуюся к западу от рубежа бомбометания, и не приняли во внимание то, что у японцев практически нет автотранспорта. Бомбежка и обстрелы с воздуха продолжались несколько часов, и, в итоге, 17-я Дивизия понесла ощутимые потери в личном составе и лишилась большого количества автомашин, вьючных животных и средств радиосвязи. Наземные войска, полагая, что атаковавшие их самолеты были захвачены противником и что в них находились японские летчики, встретили самолеты огнем и сбили два из них. Это было настоящее фиаско для союзников... Капитан Брюс Кинлак (Bruce Kinloch) из 1-го Батальона 3-го Полка гуркхов вспоминал: «Помню, как я лежал на земле с винтовкой калибра .303 и стрелял по бомбардировщикам *Бленхейм/Blenheim*, которые летели на небольшой высоте и сбрасывали бомбы на [нашу] колонну. Уставшие люди падали на колени, обожженные и почерневшие от огня и дыма, сворачивались в клубок под никудышными укрытиями из тлеющих деревьев на обочинах дороги, в то время как очереди с вооруженных множеством

пулеметов истребителей секли ветки..., снова и снова проносясь над кронами деревьев и не давая ни секунды передышки. Земля вздыбливалась и содрогалась от взрывов бомб...»

Проблемы со снабжением у японцев

Японцы также были измотаны продолжавшимися несколько недель боями и маршами, но продолжали продвигаться к Ситтангу через джунгли к северу и к югу от отступавшей 17-й Дивизии. Приказ по 15-й Армии японцев от 17 февраля гласил, что 33-я и 55-я дивизии должны будут выйти к реке и далее ожидать новых распоряжений.

Генерал-лейтенант Сёдзиро Иида (Shojiro Iida), командующий 15-й Армией, вспоминал: «В тот момент я был крайне обеспокоен ... из-за нарастающих проблем со снабжением. Чтобы пройти через гористые джунгли в районе тайландско-бирманской границы количество [перемещаемого] снаряжения и припасов было сокращено до минимума... В этих обстоятельствах было практически невозможно даже пытаться продолжать наступление за Ситтанг.»

Само собой, Смайт, Хаттон или Уэйвелл не имели об этом понятия. Проблемы со снабжением не замедлили исключительно быстрое продвижение японцев к Ситтангу. Части 33-й Дивизии японцев покрыли расстояние от Белина до высоты, с которой просматривался мост, за 56 часов. Более того, британскому командованию было известно о появлении в Таиланде японских воздушно-десантных войск, и как Смайт, так и Хаттон оно было обеспокоено возможностью выброски японцами десанта к западу от моста...

Британцы собрали флотилию из примерно 300 лодок и катеров у западного берега Ситтанга для того, чтобы облегчить переправу через реку частям 17-й Дивизии. На восточном берегу стояли наготове три парома. Однако, опасаясь того, что лодки и катера могут попасть в руки врага, Смайт приказал саперам уничтожить их, а парома были разбиты в ходе японских бомбардировок с воздуха. Таким образом, мост длиной в 550 ярдов остался единственным путем для переправы через реку.

Первая атака на мост

В 2 часа ночи 22 февраля автомашины британцев начали пересекать реку по мосту. Все шло хорошо на протяжении двух часов, но затем произошла авария: водитель-индеец по ошибке нажал на газ вместо тормоза и его трехтонный грузовик, едва не врезавшись в идущий впереди санитарный фургон, съехал с дощатого настила. На устранение последствий аварии ушло более двух часов, в течение которых транспортные средства стояли на месте. Эта потеря времени оказалась трагической.

К рассвету 22 февраля колонна 17-й Дивизии вытянулась на расстояние более 14 миль между каучуковой плантацией Бояджи и западным берегом Ситтанга. Смайт, на самом деле, не знал, где находятся его войска, так как дивизионный штаб не мог наладить радиосвязь с ними. Это привело к самым тяжелым последствиям, так как 22 февраля дивизии пришлось вступать в бой на трех различных участках. Одно из боестолкновений произошло на плацдарме к востоку от моста, тогда как другие имели место близ Мокпалина: в двух милях от моста и дальше к востоку на дороге Кяйкто-Мокпалин.

Японские солдаты поднимаются в атаку. Пулеметчики готовы оказать огневую поддержку атакующим. Бирма, 1942.

1-й Батальон 215-го Полка японцев выдвинулся из джунглей и атаковал деревню Ситтанг в 8 утра 22 февраля. Столкнувшись с неожиданным сопротивлением, командир передовой роты атакующих принял решение занять *Высоту 135*, также именуемую Будда (Budda Hill), которая доминировала над деревней и подходами к мосту. Еще одна высота – Пагода (Pagoda Hill) - находилась между японцами и мостом. Японцы предприняли попытку обойти ее и захватить мост. 4-й Батальон 12 Полка Приграничных Сил и рота 2-го Батальона Полка Герцога Веллингтонского (Duke of Wellington's Regiment) контратаковали противника, отогнали его от высоты Пагода и начали теснить вверх по склонам высоты Будда, однако были вынуждены отойти под огнем противника. Японцы перебросили подкрепления на высоту Будда, и выбить их оттуда не представлялось возможным, однако их первая попытка захватить мост потерпела неудачу.

Бои в окрестностях города Мокпалин

Около полудня Смайт приказал командиру 48-й Бригады Ноула Хью-Джоунса (Brigadier Noel Hugh-Jones) возглавить все войска, находившиеся на плацдарме. Хью-Джоунс переместил оперативный отдел своего штаба с западного берега на восточный конец моста. После того, как находившиеся на плацдарме войска понесли потери от артиллерийского огня японцев, Хью-Джоунс принял решение отвести их и свой штаб на западный берег реки. Вслед за этим японцы предприняли еще одну попытку захватить мост, но огонь двух взводов 1-го Батальона 3-го Полка гуркхов, атаковавших противника с юга, прижал японцев к земле. В 15.30 Смайт приказал Хью-Джоунсу восстановить оборонительные позиции на восточном берегу реки. Собранные в единую боевую группу небольшие части британцев заняли оборонительные позиции вблизи восточного окончания моста через Ситтанг...

Смайт переместил штаб дивизии в городок Лайя/Laya, расположенный в пяти милях к западу от реки. Это означало, что он оказался практически вне контактов с реальностью. В дополнение к этой проблеме Хаттон сообщил, что завтра утром собирается присутствовать на совещании в пункте *Milestone 53*, расположенном в 25 милях от моста по дороге к городу Пегу/Pegu. Смайт полностью возложил ответственность за оборону моста на Хью-Джоунса – согласно его приказу мост не должен был попасть в руки противника целым и невредимым ни при каких обстоятельствах.

Тем временем 46-я Бригада попала в засаду, выставленную 3-м Батальоном 214-го Полка японцев на дороге Кяйкто-Мокпалин. Бригада продвигалась в арьергарде дивизии, но между ней и 16-й Бригадой образовался просвет в одну милю. В 9.30 утра 22 февраля японцы открыли огонь по колонне бригады. Две роты 3-го Батальона 7-го Полка гуркхов попытались обойти выставленный японцами заслон на дороге, но потерпели неудачу. После четырех часов огневого боя командир бригады Экин принял решение отправить отряд своих солдат через джунгли в Мокпалин, в то время как часть колонны продолжит попытки продолжить марш вдоль дороги.

Устроивший засаду батальон японцев понес тяжелые потери и, в итоге, отступил, поэтому часть 46-й Бригады сумела добраться до Мокпалина на машинах. Отряд, продвигавшийся через джунгли под командой самого Экина, обнаружил, что такое продвижение крайне затруднительно, и разбился на небольшие группы. Некоторые из них на следующий день добрались до железнодорожной станции Мокпалин, тогда как другие самостоятельно перебрались через реку. 46-я Бригада в бою с преградившим ей дорогу японским батальоном и в ходе последующего марша понесла тяжелые потери...

Бригадир Дж. К. *Джона* Джоунс (J.K. «Jonah» Jones), командир 16-й Бригады, довел свою часть до окраины Мокпалина, но в самом городке 2-й Батальон 5-го Полка гуркхов попал под огонь противника с севера. Гуркхи атаковали японцев и заняли небольшую высоту, после чего две роты продолжили продвижение и атаковали высоту Будда, расположенную дальше на север. Эта атака окончилась неудачей. Затем подошла 1-я Рота гуркхов и самостоятельно атаковала обе высоты – Будда и Пагода. Именно в этот момент атака гуркхов остановила вторую попытку японцев захватить мост, но им не удалось взять высоту Будда, и *Джона* Джоунс отдал приказ на отход.

Так художник Дэвид Роулэндс (David Rowlands) изобразил бой солдат Содружества против японцев на восточном берегу реки Ситтанг
<https://weaponsandwarfare.com/2015/11/19/battle-of-sittang-bridge/>

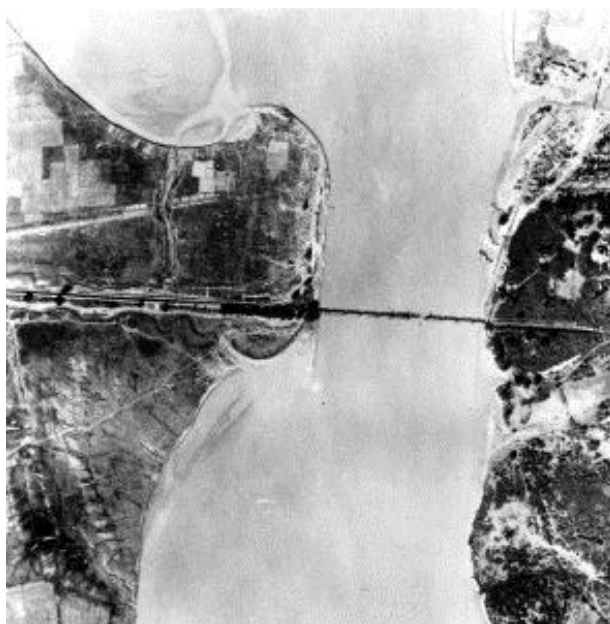
Осуществить отход оказалось крайне трудно, и две роты 1-го батальона 3-го Полка гуркхов были изолированы вблизи высоты Будда. Эти части гуркхов были подразделениями 48-й Бригады Хью-Джоунса, но, поскольку они оказались в окрестностях городка Мокпалин, командир 16-й Бригады *Джоны* Джоунс, взял их под свою команду. Вечером 22 февраля *Джона* Джоунс организовал оборонительный периметр вокруг Мокпалина и спланировал еще одну атаку в северном направлении, назначенную на первые рассветные минуты 23

февраля. Предполагалось, что ее поддержит почти вся артиллерия дивизии, сконцентрированная близ Мокпалина, но эта атака так и не состоялась...

Мост взорван

Джона Джоунс, находясь в районе Мокпалина, не имел связи с Хью-Джоунсом, находившимся близ моста, хотя командиры бригад были всего в двух милях друг от друга. Хью-Джоунс, на самом деле, был склонен считать, основываясь на рапортах одного из офицеров-гуркхов и небольшого количества добравшихся до моста и потерявших контакт со своими частями солдат, что 16-я и 46-я бригада были смяты и разбиты противником. Оборонявшие мост силы, находившиеся под командой Хью-Джоунса, не рассматривались командованием как сильный оборонительный отряд, который, кроме того, предстояло ослабить еще в большей степени так как на рассвете 23 февраля предстояло отправить на западный берег реки две роты 1-го Батальона 4-го полка гуркхов, чтобы обезопасить мост от возможного воздушного десанта японцев. В свете всего этого Хью-Джоунс чувствовал, что подрыв моста станет неизбежным решением. Ожидалось, что японцы вскоре возобновят свои атаки...

В 2 часа ночи 23 февраля Хью-Джоунс вызвал к себе командира саперов майора Оргилла и спросил, насколько он может гарантировать успешный подрыв моста в дневное время. Оргилл ответил, что не может дать такой гарантии, но сделает все от себя зависящее. До этого весь день 22 февраля саперы работали на мосту, готовя его к подрыву. Хотя мост состоял из 11 пролетов, только 4-й, 5-й и 6-й (считая с востока на запад) были подготовлены к подрыву из-за нехватки взрывчатки, проводов и взрывателей.

Вид с воздуха на железнодорожный мост через реку Ситтанг

Оргилл не мог гарантировать успех подрыва в дневное время из-за того, что только 5-й пролет был подготовлен к разрушению с использованием электрических детонаторов и огнепроводных шнуров мгновенного действия. Другие два пролета были заминированы с использованием огнепроводных шнуров длительного действия и увязаны в сеть для симпатической детонации. Это могло привести к тому, что в случае, если саперы Оргилла попадут под огонь и понесут потери, шнуры в пролетах 4 и 6 останутся неподожженными, и сдетонирует только 5-й пролет. Разрушения только одного пролета будет недостаточно для достижения цели.

Завершение минирования моста проходило под огнем противника. Вспоминает офицер-сапер Рой Хадсон: «Мы закончили около трех после полудня. Мы были под огнем большую часть времени и слышали, как пули со звоном отскакивают от конструкций. Нашим парням приходилось карабкаться на них везде и всюду, но только два сапера были легко ранены.»

Бригадир Кауэн, заместитель Смайта, получил панический телефонный звонок от одного из штабных офицеров Хью-Джоунса вскоре после беседы последнего с Оргиллом. Офицер просил разрешения на подрыв моста до наступления светлого времени суток. Кауэн разбудил Смайта, и тот после пятиминутных раздумий отдал приказ взорвать мост. Позднее Смайт говорил о том, что он хорошо знал о том, что существенная часть войск его дивизии все еще была на восточном берегу реки. Там оставались 8 пехотных батальонов, большая часть автотранспорта и дивизионная артиллерия...

Вот как описал Смайт события, непосредственно предшествовавшие подрыву моста:

К наступлению темноты бои [вокруг плацдарма] затихли. Я назначил Хью-Джоунса командиром сил, оборонявших плацдарм, оставил с ним своего офицера связи и вместе с бригадиром Кауэном вернулся в штаб дивизии, чтобы поесть и поспать несколько часов. До этого мы были на ногах больше двух дней и двух ночей. Перед тем, как уехать, я повторил свои приказы бригадиру Хью-Джоунсу: ни при каких обстоятельствах ... мост не должен попасть в руки японцев.

В 4.30 утра Кауэн разбудил меня для разговора с Хью-Джоунсом. Ночью давление [японцев] на мост усилилось. После консультаций со старшими офицерами 4-го Батальона 12-го полка и 1-го батальона 4-го полка – оба были хладнокровными и способными офицерами, мнение которых я уважал, – он проинформировал меня о том, что не может гарантировать удержание моста дольше, чем еще на один час. Как следствие, он просил разрешения на подрыв моста.

Это была ужасное решение, которое необходимо было принять... Если мост будет взорван, две трети дивизии будут отрезаны, если нет, то две японские дивизии могут начать марш прямо на Рангун... Ответственность была на мне... Я отдал приказ о том, что мост должен быть разрушен, и в 5.30 саперы взорвали его.

Отряд, обороняющий плацдарм, получил приказ на отход. Лейтенант саперов Башир Ахмед Хан (единственный среди саперов офицер-индеец Башир Ахмед Хан/Bashir Ahmed Khan по кличке БАК/ВАК), по его собственным воспоминаниям, взорвал мост около 4.00 утра 23 февраля. 5-й и 6-й пролеты упали в реку. Большая часть солдат и офицеров 17-й дивизии остались на западном берегу реки...

Когда раздался взрыв, обе противоборствующие стороны немедленно прекратили огонь. Солдаты и офицеры по обе стороны фронта понимали, что означает подрыв моста. У японцев не было планов по немедленному переходу в атаку на удерживаемый британцами плацдарм, и 23 февраля никаких атак с их стороны не последовало.

Бил Норман вспоминает события ночи с 22 на 23 февраля:

Поскольку было почти темно, нас торопливо рассредоточили вдоль чего-то вроде оборонительной позиции. Каждому приказали найти себе человека, с которым ты мог бы сменяться каждые два часа – один спит, другой бодрствует. Но это не слишком хорошо сработало, и мы провели всю ночь в полудреме. Ночью мы здорово замерзли: наши рубашки были влажными от дневного пота и не успели к ночи высохнуть. Прошло несколько часов, и японцы начали беспокоить нас своими воплями (по-видимому, речь идет об оскорблениях и призывах сдаваться, которые японцы часто применяли в подобных ситуациях – ВК)... Мы сохраняли спокойствие, чтобы не раскрыть свое местоположение, хотя был сильный соблазн прокричать что-то в ответ и стрельнуть

в их сторону раз-другой... Затем кто-то выстрелил, потом кто-то еще, пока все не начали пальбу, и потребовались усилия сержанта, чтобы остановить ее...

Несколько раз за ночь противник действительно появлялся где-то неподалеку, и мы открывали огонь, но на этот раз все было под контролем. На рассвете мы все пробудились и стали интересоваться тем, что готовит нам предстоящий день. Много говорили о том, что рано утром был слышен сильный взрыв и что мост через реку был разрушен, но сам я взрыва не слышал и принял это за еще один слух...

Низко над нами пролетел японский самолет-разведчик и помахал крыльями над нашими позициями. Он летел так низко, что можно было ясно разглядеть лицо пилота. Все открыли по нему стрельбу, и он упал с тошнотворным грохотом, здорово подняв нам настроение. Победу записали на счет одного англо-бирманца (обычно так называют людей смешанного происхождения – ВК)... , который выглядел очень живописно, когда палил из своего Льюиса/Lewis (ручной пулемет – ВК), установленного на треногу. Однако стреляло очень много людей, и это могло быть заслугой любого из них, но не меня, потому что я хранил свои два магазина для более близких целей...

Мне приказали занять позицию на полпути к высоте справа вместе с Джеком Лонгденом (Jack Longden) и Смитом-83. Установив пулемет на земляной вал на краю [рисового] поля, я начал окапываться с помощью штыка, поскольку у нас не было лопат. Земля была словно бетон, и я не успел хоть чуть-чуть углубиться, когда [пулеметная] очередь с высоты рассыпала пули рядом со мной... Еще одна очередь, и в мое лицо полетела грязь. Я вдавил голову в землю и задремал, мечтая о холодной воде...

... Я не был огорчен тем, что нас отозвали обратно, почувствовав себя более комфортно среди наших парней. Но тут мне приказали с двумя моими напарниками прикрывать отход взвода на другую позицию... Проходили часы. Мы были сами по себе, в поле зрения не было никого, некому было отдавать нам команды. Смит не был особо рад всему этому и сказал, что будет хорошо, если нам кто-нибудь отдаст какой-нибудь приказ, да и мне было не по себе, потому что он мог быть и прав. Прошло еще несколько часов, и я стал ощущать нервозность...

Я увидел группу японцев, проходивших под железнодорожным мостом где-то в 600 ярдах от нас, потом еще группу с мулом. И я решил дать следующей группе жару. Несколько коротких очередей не должны были выдать им нашу позицию, и я выпустил по ним пару очередей. Не знаю, в кого я попал, но эти Джапы разбежались довольно быстро. Я слишком долго таскал этот пулемет на своем горбу, и пришло время дать ему применение...

Переправа

Теперь индийцам, бирманцам, гуркхам и британцам, оставшимся на восточном берегу Ситтанга, не оставалось ничего другого, как переправляться через реку вплавь или на наспех связанных или сколоченных плотках. Это означало, что придется бросить почти все снаряжение, включая даже стрелковое оружие... Многие солдаты Содружества, особенности, гуркхи, не умели плавать, и утонули, пытаясь переправиться в одиночку, но некоторые сумели перебраться через частично разрушенный мост, используя веревки. Бригадир Джона Джоунс первоначально надеялся задержать организованную переправу до вечера, но под давлением обстоятельств был вынужден начать ее после полудня. Он приложил максимум усилий к тому, чтобы по возможности разместить на плотках раненых. Для реки Ситтанг в нижнем течении характерны приливно-отливные колебания уровня воды, но в феврале, в сухое время года, уровень воды был минимален именно во второй половине дня. Однако сильное течение близ моста сильно затрудняло пересечение реки вплавь. Тысячи людей пустились в это опасное путешествие, и даже у хороших пловцов

уходило до двух часов на то, чтобы добраться до противоположного берега. Те, кто не умел плавать или не решился на это, сражались до последнего или попали в плен...

Вспоминает Билл Норман:

Выйдя к берегу реки, я был удивлен тем, что оно совершенно пусто – просто ни души вокруг. Пока мы думали, как переправляться, из ниоткуда появился парень из нашего взвода. Он сказал мне, что ребята из взвода сделали плоты, но они развалились по пути, а ему удалось выбраться обратно на берег. Он боялся того, что многие утонули. Сам он был плохим пловцом и не знал, что делать, так как река имела здесь ширину в добрую часть мили. Он сказал, что японцы захватили плацдарм (это было не так) – не можем ли мы ему помочь? Я сказал, что мы едва ли сможем многое ему предложить, поскольку самим еще предстояло справиться с этим, но не бросим его. Он решил попробовать еще раз воспользоваться мостом, и я был чрезвычайно рад тому, что он покидает нас. Но он как-то умудрился переправиться через реку, и я рад тому, что он пережил войну...

Я снял с себя мой Брен (ручной пулемет Bren – ВК) и выбросил его в реку со всем остальным своим снаряжением. Джек нашел довольно толстый бамбуковый ствол, и, оставив на себе только рубашки, мы как следует напилась водой из реки и тронулись в путь, лежа на нем. Мы были рады тому, что смогли пройти вброд еще около 200 ярдов, до того, как глубина реки стала больше человеческого роста. Мы поплыли и были рады тому, что нас заставили учиться плавать, когда батальон стоял на Мальте...

Мы потеряли всякое понятие о времени, просто плыли и плыли, время от времени отдыхая, но через какое-то время ствол вобрал в себя много воды и теперь мог держать только одного человека. У Джека началась судорога, да и я стал чувствовать сильную усталость. Я видел, что скоро у нас начнутся серьезные проблемы. По счастью, нас нагнал какой-то человек, казалось, он появился из ниоткуда. Сообщив нам, что он – сильный пловец, парень подставил свое плечо под ствол, чтобы поддержать нас. Мы смогли немного расслабиться и восстановить силы. Нашим спасителем оказался артиллерист из батареи 18-фунтовок. Он был больше шести футов ростом и раньше жил в Рангуне. Он болтал с нами весь оставшийся отрезок пути и здорово приободрил нас.

Проплыв еще немалое расстояние, я почувствовал, как мои ноги коснулись чего-то... Еще несколько ярдов, и наш приятель-артиллерист издал радостный крик...

Трагические итоги

Когда переправа закончилась, 17-я Дивизия была обескровлена. Около 5 000 солдат и офицеров были убиты, пропали без вести или попали в плен. От первоначального состава осталось 80 британских офицеров, 69 офицеров-индийцев и гуркхов, 3 335 рядовых и младших офицеров. У них оставалось 1 420 винтовок, 56 легких пулеметов и 62 автомата Томпсон/Thompson. На 19 марта получившая небольшие подкрепления 17-я Дивизия насчитывала в своем составе около 6 700 активных штыков.

Измотанные в маршах по джунглям и боях японцы прождали у моста целую неделю по причинам, связанным с необходимостью подвоза продовольствия и боеприпасов. Затем один полк был отправлен на север к городку Кунзеик (?-ВК)/Kunzeik, расположенному в 18 милях к северу от моста, чтобы переправиться через Ситтанг вброд, в то время как три других полка переправились по мосту, через взорванные пролеты которого инженеры навели деревянную переправу. После переправы японцы продолжили марш на Рангун, войдя в столицу Бирмы 8 марта 1942 года.

Японская бронетехника форсирует водную преграду по временному мосту на ранней стадии вторжения Императорской Армии в Бирму.

Решение Смайта взорвать мост через Ситтанг оказалось преждевременным. Позднее он охарактеризовал бои в районе моста как «собачью свалку (dog-fight) в джунглях. Никто в должности выше командира роты не мог держать что-либо под контролем.» Вскоре после трагических событий у моста через Ситтанг Уэйвелл снял Смайта с должности и вынудил уйти из армии, лишив генеральского звания. Военная карьера Смайта потерпела крах. Хью-Джоунс, который попросил у Смайта разрешения на подрыв моста ранним утром 23 февраля 1942 года, так никогда и не оправился от психологической травмы, полученной в результате разгрома 17-й Дивизии и в 1952 году покончил жизнь самоубийством. Вот что рассказал о его смерти Рой Хадсон:

Он (Хью-Джоунс) посидел за одну ночь. Его посадили на госпитальное судно и со временем эвакуировали. После войны он неоднократно просил, чтобы его отдали под трибунал. Как-то раз он отправился на побережье, разделся, уплыл в море и так и не вернулся...

Хаттон, который уже в период боев узнал о том, что его на посту командующего Бирманской Армией сменит генерал-лейтенант сэр Хэрولد Александер, сказал следующее: «Нет сомнений в том, что сражение на реке Ситтанг было ничем иным как катастрофой.»

Уэйвелл после того, как было принято решение о роспуске объединенного командования ABDACOM, вернулся к обязанностям главнокомандующего вооруженными силами Содружества в Индии так охарактеризовал вышеописанные события: «Сражение на Ситтангском плацдарме 22-23 февраля решило судьбу Рангуна и Южной Бирмы. Доклады о данной операции, изученные мною, не оставляют сомнений в том, что штаб 17-й Индийской Дивизии крайне плохо руководил отступлением от реки Белин к западному берегу Ситтанга, и катастрофа, в результате которой были почти полностью потеряны две бригады, ни в коем случае не должна была случиться.»

Через много лет после войны Смайт упрямо настраивал против себя многих участников событий и тех, кто наблюдал за ними, утверждая, что его дивизия не была разгромлена на реке Ситтанг. Вот что он писал:

После катастрофы на реке Ситтанг в составе дивизии осталось 3 484 пехотинца, представлявших собой 41% штатной численности. Но большинство батальонов имели численность значительно ниже штатной еще до этих боев, и реальные потери оказались значительно меньшими, чем можно было ожидать. Однако пушки, транспортные средства и большая часть оружия были потеряны, и 17-я Дивизия, на какой-то момент времени, прекратила существование как эффективная боевая часть. Истинная трагедия этой короткой и тяжелой кампании заключается в том, что основное сражение [в обороне] за барьером реки Ситтанг ... так и не состоялось.

Джон Смайт в молодости (слева - <http://www.espncricinfo.com/india/content/player/34438.html>) и на склоне лет (справа - https://en.wikipedia.org/wiki/Sir_John_Smyth,_1st_Baronet)

Его действия и убеждения оставляют много вопросов, и дилемма, касающаяся подрыва моста, остается дилеммой. Маршал Уильям Слим (William J. Slim) отзывался об этих событиях сдержанно: «Легко критиковать решение, но нелегко принимать такое решение. Только те, кто сталкивался с необходимостью сделать немедленный выбор между двумя мрачными альтернативами, может понять всю тяжесть решения, принимаемого командующим.»

Вторая Мировая война не обошла стороной и семью Смайта: один из его сыновей, капитан Джон Лоренс Смайт, был убит 7 мая 1944 года во время сражения за индийский город Кохима. Сам Джон Смайт прожил долгую жизнь и умер в 1983 году в возрасте 89 лет. Несмотря на пятно на своей репутации, после войны он сделал довольно успешную карьеру в политике, избирался в парламент, был журналистом, спортивным комментатором и судьей, работал на радиовещании и написал около двух десятков книг и пьес.

Примечания

*Ситтанг – устаревшее название, принятое в англоязычном мире. Современное название - Ситаун

Основной текст - Marc D. Bernstein - <https://warfarehistorynetwork.com/daily/wwii/the-17th-indian-division-in-burma-disaster-on-the-sittang/>

John Smyth. *The Long Retreat. The First Burma Campaign. Purnell's History of the Second World War.* стр. 869-879

William Fowler. *We Gave Our Today: Burma 1941-1945.* 2011

<https://www.dailymail.co.uk/news/article-1168185/Revealed-The-terrible-suffering-extraordinary-courage-British-WW2-soldiers-fighting-Japanese-Burmese-jungle.html>

<http://www.miwsr.com/2010/downloads/20100706.pdf>

<http://www.euxton.com/army-Sergeant-Ginger-Yarnold.htm>

https://en.wikipedia.org/wiki/Sir_John_Smyth,_1st_Baronet

http://www.unithistories.com/officers/indianarmy_officers_h01.html

Возврат к главной странице www.warsstory.org